

— Если ты направляешь оружие на человека — стреляй...

В темноте комнаты забытый голос прозвучал настолько отчетливо, что заставил вздрогнуть и раскрыть глаза. Темнота полуночи клубилась плотным облаком.

— Нельзя тратить время на пустые разговоры. Рассказывать, почему именно ты это делаешь, восклицать: «А ты помнишь тот самый случай? Это из-за него, это именно по той причине...» Нельзя! Нельзя так делать. Долгое объяснение причины твоего поступка — проявление слабости и нерешительности. Тот, кто направляет оружие, должен выстрелить безо всяких объяснений. Или...

Последовала пауза, тоже хорошо знакомая.

— Или тебя убьют. Нельзя давать жертве одуматься. Нельзя!

Хриплый голос умолк, и последовал долгий кашель: мучительный, болезненный, с хрипами. Этот кашель и унес близкого человека в могилу. Он многого не успел рассказать. Истории своей жизни, к примеру. Часто ссылался на прошлое, но никогда не

Галина РОМАНОВА

рассказывал ничего стоящего и конкретного. А хотелось, чтобы в лицах, с именами и фамилиями.

Ничего этого он не рассказал. Только советовал и советовал без конца, посматривая в дуло пистолета, которым никогда не пользовался, но чистил каждый день, а потом надежно прятал в дымоход камина старого дома.

— Если надумал убить, стреляй! — снова вспомнилось. — Если направляешь оружие в сторону человека — стреляй. Но если это просто способ напугать — глупо...

Старик выслушивал вопросы, которые обычно звучали суетливо и сбивчиво, и снова пускался в пространные объяснения.

— Существует масса способов напугать своего врага, да так, чтобы он всю свою оставшуюся жизнь дрожал и оглядывался. Использовать оружие в таком случае неуместно.

— Почему? — следовал еще один вопрос, который старик тоже считал бестолковым.

— Во-первых, врагу не всегда ведом страх от направленного в его сторону оружия. Сочтет блефом, игрой, и только. Или растеряется. Во-вторых, не выйдет получить удовольствия от мести. Врага просто не станет. Не получится понаблюдать за его мучениями и испытать тайное удовлетворение. Пусть пройдет время, пока твой враг будет корчиться в агонии. Дни, месяцы и даже годы. А когда это его окончательно добьет, можно будет шепнуть на ушко: а ведь это все я...

ШАВА 1

— Вадик, детка, ты не забыл? Сегодня благотворительный концерт, на котором нам с тобой непременно надобно быть. Уже через полтора часа.

Он вздрогнул, роняя запонку на пол. Она утонула в высоком ворсе ковра. Пришлось нагибаться, шарить под стульями. Белоснежная сорочка тут же выскочила из брюк и пошла заломами на животе.

Вадик поморщился.

Сейчас она увидит складки и примется его отчитывать: и неряшлив он, и не понимает, что подобное недопустимо. Он же не официант, а ее спутник. Почти муж. И явится в измятой рубашке. Ее знакомые примутся шептаться по углам. Последуют многозначительные ухмылки, намекающие на его происхождение.

Не то чтобы ее нытье так уж сильно его раздражало, нет. Просто он сам считал ее претензии обоснованными и сердился больше на себя. Этого он не любил. И так сейчас причин сердиться на себя было больше, чем когда-либо.

Он вляпался! Так конкретно, что намечающаяся свадьба под большим вопросом. И дело вовсе не в измявшейся рубашке. Все гораздо серьезнее.

Галина РОМАНОВА

Его шантажировали! Напрямую, не через подставных лиц. Он знал шантажиста! Тот скалился ему в лицо и требовал невозможного. Иначе...

— Вадик, детка, что стряслось?

Он резко обернулся на звук голоса. Светлана застыла в дверях с широко разведенными руками, упершись в притолоку. Она была красивой, и очень ему нравилась. Невзирая на всякие гнусные слухи, намекающие на его расчет, он хотел ее.

Ну конечно, и расчет немного присутствовал, как без него!

Светлана была богатой наследницей. Ее отец умер три года назад, оставив огромное состояние и место в совете директоров одной из крупнейших компаний. Но при всех меркантильных расчетах она была умницей и красавицей, да и старше его всего лишь на десять лет. Он много раз задавался вопросом: смог бы он в нее влюбиться, будь она бедна? И отвечал себе почти всегда утвердительно.

Она была необыкновенной!

— Света, я много раз просил тебя не называть меня деткой! — выпалил он со злостью и зашвырнул куда подальше запонку, которая нашлась. И он теперь вертел ее в руках. — Я не твой сын! Я твой мужчина! И собираюсь стать мужем, в конце концов. Твое «детка» неуместно.

— Прости, — отозвалась она без намека на обиду.

Ее глаза наполнились тревогой, став темнее, хотя это было практически невозможно. Глаза у Светланы были темно-карими.

• *В интересах личного дела* •

— Принято. — Он натянуто улыбнулся и развел руки в стороны. — Как видишь, рубашка ни к черту. Надо что-то придумать.

— Уже, д-дорогой, — сорвавшееся, было, «детка» она вовремя заменила. — Я еще вчера заказала тебе другую сорочку, только доставили. А состав этой ткани подразумевал, что она изменится. Это неприемлемо.

Он коротко улыбнулся и пошел в гардеробную, где ее горничная уже наглаживала рубашку, вытащив ее из упаковки. Светлана без лишних упреков пошла в угол, подняла брошенную им запонку. Минуту рассматривала глубинную игру дорогого камня, а потом со вздохом произнесла:

— Но что же все-таки произошло на самом деле, детка?

Она выглянула из спальни, удостоверилась, что Вадик на первом этаже о чем-то говорит с горничной, и достала телефон из глубокого кармана комбинезона черного шелка.

— Алло, Влад?

— Так точно, Светлана. Я. На связи.

Хлопов всегда так отзывался — и ей, и ее отцу, на которого начал работать более двадцати лет назад, уволившись из органов. Она сейчас даже и не вспомнила бы, сколько именно. Кажется, он был всегда.

Она коротко улыбнулась.

— Влад, что-то происходит. Не пойму, что именно, — проговорила она, понизив голос.

— Вадик? — тут же догадался верный начальник службы безопасности.

— Да.

— Что-то конкретное?

— Нервничает. Без причины. Рассеянным стал.

— Может, жениться не хочет? — с легким смешком предположил Влад Хлопов.

— Хочет, — фыркнула она весело. — Еще как хочет! Ему бы и не хотеть!

Светлана была умной женщиной, и многое понимала. Вадик не стал исключением, но она привязалась к нему, и он отвечал ей тем же. К тому же она чувствовала, что он ее хочет. Подобное разыграть вряд ли кто-то был способен. Это казалось ей главным условием для семейной жизни.

К тому же он был не глуп, не ленив. Обладал неплохим вкусом. Был удивительно хорош собой. У него отменное здоровье. Все то, на что она поставила, решив завести детей. Или от Вадика, или ни от кого.

— И вдруг ни с того ни с сего он начинает хмуриться. Уходить от ответов, — рассказывала она Хлопову. — Сейчас вот запонку закинул в угол.

— Ту самую? — уточнил Влад.

Он сам их выбирал по просьбе Светланы и знал, насколько они дорогие. Помнил, как Вадик трепетал, доставая их из коробочки. Даже слюну нервно сглатывал.

— Ту самую...

— Подозрения имеются? — спросил Влад.

— Стала бы я звонить!

— Понял. Принял, — коротко ответил начальник ее службы безопасности и отключился.

• *В интересах личного дела* •

За его немногословность и отсутствие долгих иностранных обсуждений Светлана и ее отец его особенно ценили.

— Никакой болтовни и лишних телодвижений, а дело сделано, — восхищался отец работой Хлопова. — Цени его, дочка. И держи при себе.

На сегодняшний день, когда со всех сторон на нее давили, пытаясь лишить влияния в бизнесе, это был, наверное, единственный человек, которому она понастоящему доверяла.

Ему и Вадику. До недавнего времени. Теперь он вдруг стал ее тревожить.

— Светланка, как тебе?

Вадик медленно поднимался по лестнице в уже отглаженной белоснежной сорочке, ладно обтягивающей его мускулистое молодое тело. Она выложила за нее кучу денег, но оно того стоило.

— Потрясающе. — Она нежно поцеловала его в губы. — Ты лучший.

— Нет, это ты у меня лучшая.

Он отступил на шаг и осмотрел ее с ног до головы. Черный шелк матово поблескивал, не скрывая тонкой талии и длинных ног. Глубокий вырез обнажал стройную шею, отсутствие рукавов демонстрировало красивые руки.

— Ты лучшая... — прошептал он с той самой хрипотцой в голосе, после которой они обычно оказывались в койке.

— Даже не думай! — громко рассмеялась она. — Иначе мы опоздаем. А...

И они в один голос закончили:

— Опаздывать нам нельзя...

Благотворительный концерт струнного оркестра устраивался далеко за городом в чьем-то огромном доме, напоминающем дворец.

Вадик там никогда не был. Видел лишь фотографии. Ехать в такую глушь при теперешнем положении вещей ему страшно не хотелось, и он ворчал всю дорогу.

— Почти двести километров до места! — ахнул он, сверяясь по мобильному с навигатором. — По бездорожью! В лесу!

— Не мели чепухи, — отозвалась Светлана беззлобно, устраиваясь рядом с ним в машине. — Дорога великолепная.

— Ты бывала там? — Он покосился на нее с подозрением.

Хозяин дома, по слухам, был любителем красивых женщин и все еще оставался активен, невзирая на возраст. Ему было хорошо за шестьдесят.

— Случалось, — ответила Светлана туманно и принялась расправлять складки шелка на сиденье.

— У вас с ним что-то было?

Вадик прикусил нижнюю губу. Стыдно признаться самому себе, но он ревновал Светлану. Сильно ревновал! У нее было какое-то прошлое, о котором он ничего не знал. Ей часто звонили посторонние мужчины, с которыми он был незнаком. Она при этом могла быть загадочной, веселой, печальной и никак этого не объяснять.

Он надеялся, что все изменится после свадьбы, до которой оставалось чуть меньше двух месяцев.

В любом случае он будет иметь право задавать вопросы. Или требовать поставить телефон на громкую связь. Он вообще мог запретить ей все эти левые звонки.

Вадик чуть повеселел и успокоился. Света начала напевать, а он обожал, когда она пела. У нее был красивый голос, великолепный слух и песни она выбирала те, которые ему нравились.

Он осмелился ей подпеть, страшно сфальшивил, и они тут же рассмеялись.

— Обожаю тебя! — Он поймал ее руку и прижался губами к ладонке. — Ты лучшее, что случилось в моей жизни. Все у нас будет хорошо! Долгая счастливая жизнь и...

— И дети, — вдруг выпалила она, впервые обнажив свой секрет. — Ты ведь хочешь детей, детка? Ой, прости, прости!

Вадик тяжело вздохнул и покосился на нее с улыбкой.

— Конечно, я хочу детей. Твоих и моих детей, Света. Мальчишку и девочку. Милых таких, озорных. Чтобы шумели, смеялись и... Может, тогда уже ты перестанешь называть меня деткой.

Они снова рассмеялись. Вадик стало казаться, что все его проблемы мелки и ничтожны в сравнении с любовью этой прекрасной женщины. Они все преодолеют. Ему надо только рассказать ей правду, какой бы страшной она ни казалась. Вместе они придумают что-нибудь.

— Малышка моя, я так тебя люблю, — произнес он мягким теплым голосом.

Галина РОМАНОВА

— Я тоже люблю тебя, — отозвалась она, внимательно вглядываясь в узкую асфальтированную дорогу, что петляла между сосен.

До места им оставалось тридцать пять километров.

— И я хотел с тобой поговорить о чем-то важном. Или нет... Не важном, а противном. Это меня гнетет.

Он нахмурился. Показалось, что за поворотом что-то блестит или светится.

— Я почувствовала, — призналась Света, тоже внимательно всматриваясь вперед. — Что там?

— Не вижу пока.

— Так что это за тайна, которая тебя угнетает, а? — Она вдруг ткнула пальцем в ветровое стекло. — Ой, там кажется, авария!

— Да, что-то не так.

Он нахмурился. На обочине стоял внедорожник серебристого цвета с распахнутой водительской дверью и разбитым задним бампером. Из-под сильно смятого капота шел пар или дым, попробуй разобрать в такой темноте!

— Кто-то въехал в эту машину и скрылся, — тут же сделала вывод Светлана. — Остановись, надо посмотреть. Может, кому-то нужна помощь?

— Сиди спокойно! — приказал он ей незнакомым напуганным голосом. — Сейчас мы объедем эту машину, и сразу станет видно, есть в ней кто или нет. Сиди, Света!

Все внутри сжалось и окаменело. Сам себе он показался куском смерзшейся земли. Неспроста все

• *В интересах личного дела* •

это, неспроста! Странная авария. И где? На дороге, по которой почти никто не ездит!

— Это точно кто-то из гостей, — предположила Светлана, когда они медленно объезжали разбитую машину. — Вадик, смотри, там женщина!

В самом деле, на водительском месте сидела женщина в нарядном светлом платье. Голова с растрепанвшейся прической лежала на руле. По голый левой руке струилась кровь. Платье тоже было выпачкано.

— Надо вызвать спасателей. — Он схватил за руку Свету, намеревавшуюся тут же выпрыгнуть из машины. — Сиди!

Вадик достал мобильник и принялся набирать номер службы спасения. Раз, другой, третий. Безрезультатно. Связи не было даже с этой службой. Чертова глушь!

— Я сейчас выйду, а ты запри машину и сиди, никуда не выходи. Я посмотрю, что можно сделать.

У него трясся каждый нерв, пока он шел от своей машины к внедорожнику.

Им надо было уехать, добраться до места и тогда вызвать спасателей. Конечно, это выглядело бы так себе: бросили человека в беде, и все такое. Зато он сейчас не ощущал бы в беде себя. А она надвигалась, он это понимал.

— Вадик, что там? — Света вопреки запретам открыла свою дверь и выбралась наружу.

— Сиди! Не выходи! — крикнул он ей.

А когда услышал за своей спиной осторожное дыхание и угадал чье-то присутствие, успел крикнуть ей:

— Света, уезжай! Немедленно уезжай!

ШАБА 2

— Труп женщины, предположительный возраст: от тридцати до сорока лет, — монотонно гудел голос эксперта Володи Изотова, усевшегося на обочине прямо на землю. — Смерть наступила приблизительно десять часов назад или больше. Точнее — после вскрытия.

— Причина?

Павел Климов лениво перекатывал во рту мятную жвачку. Он давно уже ввел в привычку выезжать на место происшествия непременно с жевательной резинкой, и лучше подренее, чтобы глаза слезились от агрессивного вкуса. Его это расслабляло. Иногда помогало скрыть последствия вечеринки, случившейся накануне. Такое не часто, но случилось.

— Причину пока сказать не могу, — озадачил его Володя.

Мятная жвачка перекочевала с левой стороны на правую.

— Открытых ран нет. Ссадин и гематом много, но, только вот... — Изотов замолчал, перевернул жертву на живот и ахнул: — Матерь Божья!

— Что там?

• *В интересах личного дела* •

Климов вытянул шею, пытаясь заглянуть Володе через плечо. Не вышло: тот слишком низко склонился над жертвой, а подходить ближе Климов не захотел. Его с утра слегка мутило, и не по причине вчерашнего застолья. Его не было! Из-за шибанувшего давления. Ни с того ни с сего выстрелило утром, когда он...

Нет, ну зачем выпендриваться и врать самому себе? В голову ударило, когда он входил утром на заправку. Так? Так. А что там случилось? Кого он увидел? Правильно, своих бывших: жену и друга детства. Оба стали бывшими, когда друг увел у него жену. А она послушно за ним пошла.

Климов часто думал потом: поспорь он с Антоном на Алену, снова проиграл бы, как много раз до этого. Он и проиграл! Алена его бросила. Ради Антохи.

— Нет, Климов. Не ради него, а ради спокойной размеренной жизни. В комфорте, покое, любви и достатке, — раскладывала по полочкам его неудачу в личной жизни подруга и коллега Варя Воронова. — Позвал бы ее кто-то другой, а не твой друг, она и за ним бы пошла.

— Хочешь сказать, что она такая продажная?

— Нет, не продажная. Просто устала от тебя. И тратить жизнь хрен знает на что надоело.

— Я не хрен знает что! — возмутился он.

— Не ты. А то, что ты в себе несешь.

— А что я в себе несу?

— Разруху...

Он разрушил все и понял это много позже. У них с Аленой были чувства, да. Крепкие, надежные. У них имелось жилье — не в кредит, свое. Был загородный дом: не хибара под снос, а добротный сруб с прудом и парком вокруг. Не большим, но все же своим. Грядки вокруг дома он презирал.

Все это досталось ему от деда, бабки и отца. Маму Павел не помнил. Казалось бы, живи и радуйся. Но он как-то ухитрялся не радоваться, а чужую радость — гасить. Алена вечно хмурилась и досадливо кусала губы. Он хмурился с ней на пару и со временем старался все меньше бывать дома. У него выходило. С его-то работой!

И Алена ушла к Антохе. Сегодня утром они сидели друг против друга за крохотным столиком на заправке и пили кофе. Казалось бы: что здесь необычного? Чего он так психанул?

Но дело в том, что все было необычным. Как они сидели, склонившись друг к другу. Как смотрели друг на друга. Как улыбались и пили это дрянное пойло. Климов ведь нарочно купил стакан, чтобы понять: кофе был отстойным. Он после первого глотка его выбросил.

А они пили! И как?! Как будто никого вокруг не существовало и это не стол на заправке, а островок необитаемый.

Вот в голову ему и ударило. Варя, заметив его раздражение и нездоровый красный цвет лица, заставила присесть и тут же померила ему давление. Она, как старушка, вечно таскалась с этим аппаратом и аптечкой. А ей ведь еще и тридцатника нет!

• *В интересах личного дела* •

— Мне надо контролировать свое здоровье, Паша, — призналась она ему однажды. — Иначе не пройду медкомиссию. Уволят, и что я тогда буду делать? Куда подамся?

— С твоими-то мозгами! — фыркнул он в ответ.

— Вот-вот, только лишь с мозгами... Остальным-то меня судьба не наградила.

Варя, сморщив лицо, в таких случаях косилась на свои крупные бедра и полные колени. Он никогда ее не утешал. Пробовал вначале, но получил в зубы. Счел, что врать другу и напарнику неправильно, и заткнулся...

— Так что там, Володя?

— Ее словно переехали на машине, — проговорил тот слабым голосом. — Под одеждой видно не было, но...

— Что но?

Климов закатил глаза. Ему не терпелось убраться отсюда. Рядом с жертвой он все осмотрел и ничего не обнаружил: ни окурка, ни пуговицы. Чуть дальше того места, где было обнаружено тело, в лесополосе работают оперативники и криминалисты. Пока безрезультатно.

— То есть она погибла в результате дорожно-транспортного происшествия? — уточнил Климов.

— Я не знаю... Крови нет. Как-то странно, — забормотал Володя.

Он вообще не терпел давать преждевременных заключений во избежание путаницы. Случилось однажды, что его неосторожно оброненная фраза имела потом фатальные последствия. Если бы не де-

фицит кадров, его бы уволили. В итоге оставили, но нервов это ему стоило. Володя даже в нервном отделении отлежал полтора месяца.

— Что странно?

Климов надул огромный пузырь, лопнул его, выплюнул жвачку в обертку, скомкал и сунул в карман. Мусорить на месте происшествия было нельзя.

— Как будто на тот момент она уже была мертва.

— Может, и была, — равнодушно пожал плечами Климов. — Вскрытие покажет.

Майор повернулся к мужчине, который обнаружил погибшую и вызвал полицию. Тот все еще оставался в своей машине, припарковавшись в пяти метрах отсюда. Его попросили пока не уезжать.

Павел пошел к его машине, постучал по стеклу. Когда тот с нервной улыбкой опустил стекло, спросил:

— А вы не знаете, куда ведет эта дорога? Ни одного указателя.

— Эта дорога ведет к дому одного очень влиятельного лица, — пояснил мужчина и потер ладонями небритые щеки. — Там не дом даже, а замок, и дорогу делали для него же. Больше там никто не живет.

— А вы как оказались на этой дороге?

— На рыбалку ехал. — Он кивнул за спину, где на заднем сиденье были любовно разложены рыболовные снасти. — Пара прудиков осталась, которые не приватизировал наш магнат, вот я туда и езжу. Сначала круг делал, а потом мне подсказали, что дорога тут крутая есть. Я и стал тут ездить. Хоть на десять километров дальше, зато едешь себе в любую пого-

ду, не переживаешь, что можешь в колею попасть и не выбраться.

— Кто подсказал?

— Ребята-рыбаки. Видели, когда тут строительство велось.

— Кого-то конкретно назвать можете?

Он понимал, что тянет пустышку и из вредности пристаёт к мужику. Дело с этим трупом — еще то. На пустой дороге, на обочине лежит труп женщины в вечернем наряде. Без внешних повреждений, но предположительно раздавленный машиной. Причем, предположительно, после смерти! Ни сумочки при ней, ни телефона.

Что она делала? Как тут оказалась? Где ее переехали? Дорога-то чистая. Никаких следов торможения. Ничего! Где-то убили, покуражились и сюда притащили? Но откуда?!

Климов понимал, что это потенциальный «висяк», и вредничал. А мужику, было видно, наскучило тут сидеть: и рыбалка сорвалась, и мент прицепился.

— Нет, никого конкретно назвать не могу, — цедя сквозь зубы по слову, проговорил тот. — Было давно. Дороге этой уже три или четыре года.

— А жертва не показалась вам знакомой?

— Шутите! — он даже повеселел. — Среди моих знакомых нет женщин, которые такие одежды и туфли носят.

— Вы неплохо ее рассмотрели, — снова уколол Климов и склонился ниже. — Может, и бренд назовете?

— Чего? — Мужик отшатнулся. — Послушайте, майор!.. Вот сделай для вас доброе дело! Лучше бы мимо проехал и рыбу сейчас ловил!

— Ладно, поезжайте. Ваши данные у меня есть. Если что, позвоню.

Мужик быстро поднял стекло, вдарил по газам и укатил. Куда бы вы думали? Рыбу ловить. Происшествие на дороге и въедливый майор не повлияли на его планы. Он должен был опробовать новенькие снасти.

Глядя вслед его машине, Климов даже немного позавидовал. У него не было никаких подобных привычек. Нет, имелась одна, но Алена считала ее глупой.

Он очень любил бродить босиком по траве в своем парке. Мог час ходить, забыв о времени. Но сейчас апрель. До травы, согретой солнцем, еще ой как далеко!

— Я поеду в дом, который там. — Он ткнул пальцем в ленту дороги, ныряющую за сосны. — Необходимо переговорить с жильцами. Вдруг эта нарядная дама оттуда?

Климов еще раз просмотрел фото жертвы, которые сделал на телефон, сел в свою машину и поехал. Сколько он проехал, когда ему снова пришлось остановиться? Пять километров и сто двадцать два метра. Он выбрался из машины, которую припарковал прямо напротив развороченной обочины, осмотрелся и сразу набрал коллег.

— Вам необходимо подъехать, — повторил он твердо, выслушав недовольное брюзжание. — Да,

• *В интересах личного дела* •

согласен, что не факт. Но слишком тут некрасиво: и сколки стекла, и крохотные фрагменты краски, и следы обуви. Могу ошибиться, но есть что-то похожее на кровь. Так что без лишнего нытья дуйте сюда. А я поеду дальше...

В дом, ворота во двор которого венчали конец дороги, Климов попал через двадцать минут. Далеко было ехать! Забился человек в глушь. Личный крохотный парк с сиренью, липами и зарослями можжевельника показался ему с носовой платок в сравнении с лесом, раскинувшимся вокруг дома. Огромные сосны, дубы, лужайки, и все это без конца и края, куда голову ни поверни!

— Потеряться легко, — пробубнил он себе под нос и нажал кнопку звонка на кованых воротах.

Ворота открылись как по волшебству. Климов пошел по выложенной камнем дорожке к дому. Его встречал дворецкий. Ну, а как же! Если замок и лес вокруг, то непременно дворецкий. И пруд с лебедями. Последнего он не видел, но почему-то был уверен, что тот есть.

— Следуйте за мной, — скомандовал сухощавого вида мужчина, внимательно изучив его служебное удостоверение.

Его вели долго. Коридорами, напоминающими ломаные линии. Комнатами, в которых Климов рассмотрел больше музейного, нежели жилого. Наконец вывели на балкон — теплый, уставленный кадками с пальмами. Там-то он и увидел эту женщину: красивую, в красивых многослойных одеждах яркого изумрудного цвета и белоснежном тюрбане на голове.

— Добрый день, — мягко улыбнулась она, протягивая ему ладонь. — Вы из полиции?

— Так точно. — Климов неожиданно для себя поцеловал протянутую руку.

— Что-то случилось? — Женщина протяжно зевнула, нисколько не смущаясь. — Вчера здесь проводился благотворительный концерт, после него фуршет. Последние гости разъехались в половине четвертого. Всех проводи, всем улыбнись. Я так устала!

— Понимаю. — Климов сдержанно улыбнулся, на самом деле ничего не понимая. — Я недолго.

Он достал телефон, открыл фотографию мертвой женщины и протянул его хозяйке.

— Взгляните, может, это кто-то из ваших гостей.

В первое мгновение она отшатнулась, сильно побледнела и какое-то время сидела, не двигаясь и не делая попытки снова взглянуть на фото.

— Вы ведь все равно не отвяжитесь, — пробормотала она минуту спустя и повелительно шевельнула пальцами. — Позвольте еще раз взглянуть.

Климов подчинился. Дама в изумрудных одеждах его не раздражала даже притом, что у нее был личный лес, дворецкий и пруд с лебедями. Последнего он не видел, но должен же он был быть!

— Нет. Этой дамы точно не было, — выдохнула она с облегчением.

— Вы уверены? — Климов еле сдержал разочарованный вздох, убирая телефон в карман кожаной куртки.

• *В интересах личного дела* •

— Абсолютно! — Она указала пальчиком на его карман, где скрылся телефон. — Во-первых, маникюр...

— А что с ним не так?

— Ничего! Его просто нет у этой мертвой женщины. И прическа! — возмущенно фыркнула хозяйка.

— А что прическа?

— Эта химическая завивка, или что там у нее на голове. — Она брезгливо поморщилась. — Среди моих гостей не было женщин с такими волосами.

— Понятно...

Климов повторил сдержанную улыбку, кивком поблагодарил и повернулся, чтобы уйти.

— Что вам понятно, ну вот что вам понятно? — возмутилась женщина ему в спину. — Понятно ему! Мне вот лично ничего не понятно!

— Что именно?

Павел притормозил и обернулся, насторожившись. Он уже предвидел, что она сейчас начнет ругать его за раннее вторжение, нарушение личного пространства и тому подобное, за что сейчас реально можно получить.

— Как на этой мертвой женщине мог оказаться наряд Светочки Роговой?! — Ее припухшие от недосыпа глаза широко раскрылись. — Мне непонятно! А вам?

Климов похолодел и подумал: ну вот, началось!

Он вернулся к креслу, в котором восседала не выспавшаяся дама в изумрудных одеждах, и, чуть склонившись к ней, переспросил:

— Чей наряд на мертвой женщине?

— Светланы Роговой. Она должна была вчера присутствовать на моем вечере, но не приехала. Вместе со своим женихом. — Тут женщина слегка сморщилась. — Собираются пожениться, но явный мезальянс: он моложе Светочки на десять лет. Вроде и любит ее, и красиво ухаживает, но... Не верю!

— И они не приехали?

— Нет. Хотя из дома выезжали. Светочка прислала мне сообщение. Оно у меня даже сохранилось.

Хозяйка грациозно изогнулась в сторону дверного проема, ведущего на теплый балкон размером с гостиную Климова, и громко крикнула:

— Таня, принеси мой телефон!

Таня явилась с телефоном через мгновение, Климов даже до двух не успел сосчитать. Либо уже стояла наготове с телефоном, либо обладала способностью перемещаться со скоростью света.

Хозяйка полистала переписку со Светланой Роговой, нашла вчерашнее сообщение и показала ему. Да, все верно. Рогова написала ей, что они выезжают. И было это в двадцать пятнадцать.

— Мы собирали всех к девяти вечера, но заранее знали, что половина гостей опоздает. Поэтому концерт должен был начаться в десять. Светочку с ее плейбоем мы ждали до десяти часов десяти минут. Они не приехали, и концерт начался без них. Знаете, честно, я была несколько раздражена, — нехотя призналась дама, возвращая телефон прислуге. — Света должна была прилично отстегнуть на благотворительность. Мы заранее оговаривали суммы. Приблизительные, конечно. А она не явилась... Но

• *В интересах личного дела* •

потом я закрутилась, и как-то у меня выпало, что их нет. Народу собралось много. Мне, как хозяйке, было совершенно некогда.

— Так что с нарядом? Как вы могли знать, если она не приехала? — спросил Павел.

— Таня, телефон!

Горничная тут же вложила мобильный в ее растопыренную ладонь. Хозяйка снова принялась листать и наконец нашла фото.

— Вот. За пару минут до того, как они выехали, Светлана сделала селфи и прислала мне. Черный шелковый комбинезон и туфли еще вчера принадлежали Светлане. Как, позвольте спросить, они оказались на мертвой женщине без маникюра и прически?

— Она могла купить тот же самый наряд и...

Она не позволила ему закончить и расхохоталась — зло, с надрывом.

— Издеваетесь?! — Ее глаза раскрылись шире. — Второго такого комбинезона нет! Светлане его отшивали в Милане на заказ.

— Даже так... — пробормотал Климов.

Он тут же подумал, что пруд с лебедями точно есть. И зоопарк наверняка с тиграми и питоном. Твою мать, а!

— Именно так, молодой человек.

Она вздохнула и покусала нижнюю губу, видимо, чтобы вернуть ей цвет и сочность. Спросонья ее рот напоминал бледно-синее пятно.

— И туфли... Это ее. Мы вместе гуляли по бутикам, когда она их покупала. Туфли ручной работы. Может, еще существовали размеры, но... сильно со-

мневаюсь, чтобы эта женщина с вороньим гнездом на голове и ненакрашенными ногтями могла себе позволить купить туфли за сто пятьдесят тысяч евро.

Климов чуть не задохнулся и тут же подумал, что вряд ли это пруд, скорее озеро. Там не только лебеди, но, возможно, и форель, и лотосы.

— Вы ведь найдете ее, так? — Голос женщины сделался вполне нормальным, исчезла кичливость, появилась тревога. — Света пропала. И с ней сто процентов случилась беда.

— Почему вы так думаете?

Он, между прочим, тоже так думал.

— Эти вещи она ни за что не отдала бы никому. Их можно было снять со Светы только мертвой!

ШАБА 3

Вадик поежился от холода, сквозившего из зарешеченного окна, и покосился на странного вида мужчину, сидящего на скамейке напротив.

— Что, пижон?.. — оскалил тот щербатый рот. — И таких, как ты, сажают?

Сажают? Почему? Куда?

Он с силой зажмурился и потер лицо ладонями. Потрогал голову и охнул от боли. На макушке была огромная шишка. Очень большая, размером с куриное яйцо. Как это случилось?

Не открывая глаз, он попытался вспомнить. А когда удалось, тут же бросился к двери и забарабанил по ней кулаками.

• *В интересах личного дела* •

— Чего хулиганишь?

В крохотное окошко, распахнувшееся на уровне лица Вадика, заглянуло усталое лицо пожилого мужчины.

— Почему я здесь? Что случилось?

— А ты не помнишь? — тот изумленно округлил глаза. — Как на полицейских бросался?

— Нет. — Он почувствовал, что бледнеет. — Когда? При каких обстоятельствах? Где я вообще?

— Ты в полиции, парень. А на остальные вопросы тебе следователь ответит.

— Следователь? Почему следователь? Я же пострадавший! У меня на голове шишка! Адвокат... Мне нужен адвокат! — завопил он, начиная припомирать.

— Нужный человек освободится от дел минут через двадцать, вызовет тебя на допрос, тогда и адвокат будет. А пока не шуми, не хулигань. Не в твоих интересах.

Окошко захлопнулось. Вадик вернулся на жесткую скамью. Щербатый мужик в грязной рваной одежде смотрел на него с любопытством.

— Что, и правда ничего не помнишь? — с сомнением покачал он головой.

— Нет. Вы видели что-нибудь, когда меня привезли? Что хоть было то?

— Вообще-то, нас с тобой одновременно доставили. Только на разных машинах. — Мужик почесал шею, заросшую грубыми седыми волосами. — Ты орал, брыкался и все звал какую-то Свету.

Света! Внутри образовалась огромная ледяная яма, засасывающая все его мысли. Где она? Как он мог попасть в полицию? Как вообще...

И тут он все вспомнил! Вчерашний вечер, их неспешная езда по загородной дороге — ровной и гладкой, как стекло. Разбитая машина на обочине. За рулем окровавленная женщина. Света просит его посмотреть, в чем дело, и по возможности помочь бедняжке. Он выходит из машины. Говорит Свете закрыться и не выходить.

Он предвидел, что это какая-то дрянь! Развод! Его же шантажировали, предъявляли требования — страшные, невыполнимые. Он не отказывался. Пока молчал, но не собирался ничего делать. Именно поэтому велел Свете оставаться на месте, а сам пошел к машине.

Он только успел почувствовать на своей шее чужое дыхание. Даже среагировать не смог, как его с силой ударили по голове. Отсюда и шишка.

Но как он оказался в полиции?

— Я немного слышал, как у дежурки менты переговаривались, — продолжил рассказ мужик. — Вроде ты шел по трассе. Был дезориентирован. Подумали, что ты под дозой и повезли сначала в больничку, а потом сюда. Теперь жди...

— Чего?

Вадик попытался сглотнуть, но во рту было страшно сухо. Это от удара или ему что-то вкололи? Поэтому он показался проезжавшим мимо полицейским наркоманом?

И где, черт возьми, Света?!